

— Ты... ты выпил такой объём «Опьянения бессмертного», а всё ещё стоишь на ногах, будто не чувствуешь ни малейшего воздействия? — голос Учёного Бая дрожал, как трещина в старом льду, его лицо, уже бледное от страха, словно лишилось последних капель крови, когда он устался на Чанькуня Чжуоюя, который по-прежнему спокойно пригублял чай, будто бы в этой чашке не содержался один из самых страшных ядов мира культивации, способный парализовать даже мастера Зарождения Души, лишив его способности двигаться, говорить и направлять истинную энергию.

Пальцы Ли Синлуна дрогнули, и по шее Учёного Бая медленно поползла тонкая струйка крови, как след от лезвия, проведённого с холодным расчётом, но не для убийства, а для предупреждения.

Чанькунь Чжуоюй даже не поднял глаз. Он продолжал играть с фарфоровой чашкой, длинные пальцы его скользили по её краю с такой грацией, будто вырезали невидимые узоры в воздухе, и только тогда, когда тишина стала почти осязаемой, произнёс:

— Ученик, не торопись с казнью. Если он умрёт сейчас, то не сможет рассказать, где проходят Три Испытания Яда. Сначала узнаем, что нам нужно, и лишь после этого можешь выполнить своё намерение.

Его ресницы, длинные, как тени луны над горами, чуть опустились, закрывая блеск чёрных глаз, и когда они дрогнули, будто трепет крыльев мотылька в сумерках, в сердце каждого, кто смотрел на него, возникло странное жжение, как будто внутри что-то пробудилось, что давно считалось мёртвым, как если бы сама душа вспомнила, что такое красота, несущая в себе опасность.

Ли Синлунь был в настоящей, горячей, почти демонической, не поддельной, не притворной, а выросшей из глубины, где ещё хранилась ненависть к тем, кто уничтожил его семью ярости. Но теперь она была направлена не на врагов прошлого, а на этого человека в зелёном халате, на его взгляд, которым он окинул Чанькуня Чжуоюя - взгляд, смешанный из восхищения, алчности и тихого обладания, будто он уже видел, как этот прекрасный человек падает перед ним на колени, покорный, сломленный и принадлежащий ему. И это было невыносимо.

Его глупый, наивный учитель, который не может отличить фрукт от кожуры, который верит, что его встретят слезами преданных последователей, был рожден не для таких, как Учёный Бай, не для тех, кто продаёт яды за любовь и власть, кто использует искусство Гу, чтобы завоевывать сердца и ломать судьбы. Этот взгляд вызвал в нём отвращение, как яд в пище, как грязь на священном алтаре. Он схватил осколок и метнулся вперёд, но не к горлу, а прямо к глазам, намереваясь вырвать их, чтобы тот больше никогда не мог смотреть так, чтобы эта жадность, эта мерзость исчезла вместе с его зрением.

Но едва он двинулся, как рука Учёного Бая вспыхнула, как дух змеи, и ударила по запястью Ли Синлуна. Оцепенение пронзило руку до плеча, будто лёд вонзился в меридианы. Он отступил на полшага, и без страха встал за спину Чанькуня Чжуоюя, потому что его место было именно там: между этим странным существом и миром, полным ядов и предательств.

— Так ты и впрямь не великий мастер, — насмешливо бросил Учёный Бай, вся его прежняя покорность исчезла, как дым, и на её месте появилась холодная, расчётливая уверенность. — Всего лишь юнец на позднем этапе Формирования Основы. Я так и знал, что ты не пил чай. То, что мы дали другим, это обычное бесцветное, безвкусное снадобье. Но «Опьянение бессмертного»... Это сильнейший яд из арсенала секты Сотни Цветов, созданный путём слияния десяти тысяч Гу, способный свалить даже мастера Перерождения Души. Я думал, передо мной два эксперта такого уровня... А вы всего лишь мелкие рыбёшки, забредшие в воды, где вас сразу съедят.

Он повернулся к Чанькуню Чжуоюю, ожидая, что тот испугается, замешкается и начнёт оправдываться:

— Хватит притворяться, будто пьёшь чай. Мы все знаем, что ты не проглотил ни капли.

Но едва он договорил, как Чанькунь Чжуоюю медленно поднёс чашку к губам и выпил до дна, не торопясь, с тем же достоинством, с каким пьют вино на императорском банкете. Затем он налил себе ещё одну порцию, также выпил, и только после этого, положив чашку на стол с мягким стуком, сказал Ли Синлуню, будто обсуждая погоду:

— Этот чай действительно вкусный.

На его совершенном лице играла тень холодной, как свет луны на клинке, улыбки, как будто он говорил: ты — ничто, и твой яд — пыль под моей ногой.

— Ты... — Учёный Бай по-настоящему испугался. Холодный пот покрыл его лоб, как роса на могильном камне. Он думал, что они обманули его, использовали какую-то технику, чтобы не проглотить яд, спрятать его в хранителе или вывести через меридианы. Но Чанькунь Чжуоюю выпил. До последней капли. Без колебаний. Без усилия. Как будто пил простую воду.

Говорили, что «Опьянение бессмертного» парализует любого ниже уровня Перерождения Души. Но даже мастера этого уровня чувствуют его действие, их истинная энергия замедляется, меридианы сжимаются, разум затуманивается. Чтобы пить его, как простую воду, нужно быть на уровне Великого Вознесения. Только такие существа могли игнорировать яды мира, как человек игнорирует дуновение ветра, ибо их тело уже не плоть, а воплощение Дао, их кровь - не жидкость, а конденсированная ци, их разум - выше кармы и боли.

Во всём мире культивации таких было единицы. Мастера уровня Зарождения Души становились патриархами сект и основателями кланов. Те кто был на уровне перерождения Души были советниками императоров и хранителями древних тайн. А Великое Вознесение? Это были легенды. Существа, чьи имена произносили шёпотом, как молитву, чьи появления знаменовали конец одной эпохи и начало другой.

И вот один из них сидит здесь, в этой жалкой чайной, в городке на краю мира, пьёт чай и говорит, что он вкусный.

— В-великое Вознесение...

Боже! Он только что флиртовал с существом такого уровня?! Он предлагал ему «любовь», как дешёвому служанке! Что он наделал?!

С глухим ударом Учёный Бай рухнул на колени перед Чанькунем Чжуоюем, дрожа, как осиновый лист в бурю:

— М-милостивый старший... помилуйте! Я... я всего лишь выполнял приказ секты Сотни Цветов! Каждый, кто приходит к нам, должен пройти Три Испытания Яда. Это было первое! Вы уже прошли его! Но с вашей силой... зачем вам проходить остальные? Я... я лично проведу вас к нашему главе секты! Чего бы вы ни желали - скажите только слово!

Он бил челом, пока слёзы не покатались по лицу, пока голос не стал хриплым, пока его достоинство не рассыпалось, как пепел в воде. Ли Синлунь смотрел на него с презрением, он казался ему мерзким, как гнилая змея, ползающая вокруг священного дерева.

К счастью, Чанькунь Чжуоюй даже не взглянул на него. Он продолжал смотреть на чашку в своих руках, будто Учёный Бай был не более чем пылинкой на полу, недостойной внимания, как будто весь этот страх, вся эта покорность были не более чем шумом ветра, который не касается горы.

Тот рыдал, молил, пока раздражённый Ли Синлунь, не пнул его ногой. Тогда Чанькунь Чжуоюй, наконец, произнёс тихо, но с такой силой, что воздух замер, а стены чайной дрогнули одно слово:

— Шумно.

Учёный Бай тут же заткнулся, будто его горло сжали невидимые пальцы. Он не осмелился даже дышать.

— Средний уровень Золотого ядра... Наверное, потребовалось немало лет и усилий, чтобы достичь этого? — вдруг спросил Чанькунь Чжуоюй, всё ещё не глядя на него.

— Э-это... — заикался Учёный Бай. — Убогому этому... триста лет... еле сформировал ядро... Молю, Великий Учитель, пощадите!

В мире культивации достижение уровня Золотого Ядра позволяло основать небольшой клан, уровень Зарождения Души давал право стать патриархом и основать собственную секту, а стадия Перерождения Души открывала путь к руководству великими кланами или занятию поста старейшины в одной из главных сект; но когда речь заходила о Великом Вознесении, даже титул «Почитающийся» казался недостаточным для выражения того благоговения, с каким мастера всех путей относились к подобным существам, их считали живыми легендами,

воплощением Дао, ходячими предзнаменованиями эпох.

Несмотря на все мольбы Учёного Бая, Чанькунь Чжуоюй продолжал молча смотреть в чашку, его лицо было невозмутимым, как поверхность озера в безветренный день, и невозможно было понять, что происходит в его разуме. Ли Синлунь не ожидал, что он будет действовать так уверенно, и потому не вмешивался, позволяя ему самому распорядиться ситуацией; однако со временем он почувствовал, что что-то не так, Учёный Бай уже слишком долго ползал, рыдал и бил челом, словно боялся, что даже после покаяния его ждёт смерть.

Тогда он спокойно сел рядом с Чанькунем Чжуоюем и, склонив голову, сказал с почтительной интонацией:

— Учитель, нам всё ещё нужно, чтобы он провёл нас дальше. Убивать его сейчас - значит потерять путь.

Услышав это, Чанькунь Чжуоюй наконец поднял глаза от чашки и тихо, почти умоляюще, будто ребёнок, который не знает, что делать, и боится ошибиться при всех посмотрел прямо в лицо Ли Синлуна. Ли Синлунь: ...

И тогда он понял, что всё это время его учитель не притворялся загадочным, а он просто не знал, как себя вести. Он сидел здесь, окруженный страхом и преклонением, не осмеливаясь посмотреть ни на кого, надеясь лишь, что его ученик подскажет следующий шаг.

Мгновенно сообразив, Ли Синлунь сделал вид, что тоже испуган, и, добавив дрожь в голос, произнёс:

— Учитель... я... я тоже хочу быстрее закончить это дело.

— Хорошо, — наконец медленно произнёс Чанькунь Чжуоюй, будто принимая важное решение.
— Как пожелаешь. Среди всех моих последователей ты самый любимый.

Ли Синлунь: ...

Эти «все последователи» существуют только в твоём воображении!

Осознав, что его пощадили, Учёный Бай мгновенно вскочил на ноги и закивал, едва не падая:

— Я... я немедленно проведу старшего к нашему главе секты!

— погоди, — остановил его Чанькунь Чжуоюй. — Этот чай действительно хорош.

Учёный Бай, человек догадливый, сразу понял намёк и поспешно кивнул:

— Убогому достанет чести принести его немедленно.

Он исчез в задней комнате и вскоре вернулся с изящным нефритовым флаконом, который почтительно передал Чанькуню Чжуоюю:

— Одна капля, растворённая в воде, делает напиток бесцветным и безвкусным, но достаточно, чтобы свалить более десятка культиваторов ниже уровня Перерождения Души. Если активировать истинной энергией, то даже запах, распространяющийся в радиусе вытянутой руки, способен лишить сознания любого, кто его вдохнёт.

Чанькунь Чжуоюю: ...

Он имел в виду, что вкус чая приятен, а вовсе не требовал подарка в виде сильнейшего наркотического яда...

Ли Синлунь быстро взял флакон, пока тот не опозорился окончательно, и, сложив ладони, принял его с достоинством, будто получал священный артефакт, после чего торжественно передал обратно, теперь уже как подношение, достойное Великого Почитающегося.

Чанькунь Чжуоюю глубоко вздохнул, в глазах мелькнула тень обречённости, которая, после долгого молчания, сжалась в одно короткое слово:

— Оставь себе.

Он снова опустил ресницы, избегая зрительного контакта, и вернулся к своему обычному, непроницаемому виду, будто весь этот эпизод был лишь каплей дождя на камне.

Ли Синлунь, глядя на то, как его учитель, желавший получить простые чайные листья, вместо этого получил высококлассный седативный яд, чувствовал одновременно и ярость, и странную, тёплую жалость.

Чтобы Учёный Бай не услышал, он незаметно просунул руку внутрь широкого рукава Чанькуня Чжуоюю и написал на его ладони:

[Не переживай. Как только добудем пилюлю перемен лица, куплю тебе настоящий чай на Центральных равнинах, он гораздо лучше.]

Чанькунь Чжуоюю не успокоился. В ответ он тонким пальцем начертил в его ладони:[А у тебя есть деньги?]

Ли Синлунь: ...

[Смогу заработать!]

В конце концов, он культиватор позднего этапа Формирования Основы. Заработать немного серебра в мирской жизни для него не проблема.

Чанькунь Чжуоюй мгновенно повеселел.

Хотя внешне он оставался спокоен, Ли Синлунь ощущал, как внутри него разливается тихая, светлая, как у ребёнка, которому пообещали игрушку, радость. Да, именно так он и был: радовался простым вещам, огорчался из-за мелочей, терялся перед выбором как новорождённый, впервые увидевший мир. Ведь по сути, он и правда только что «открыл глаза», даже имя своё выбрал наугад, без воспоминаний и прошлого. Назвать его ребёнком - значит сказать правду.

Даже после того, как они обменялись посланиями, Ли Синлунь не отпустил его руку. Дорога впереди была долгой, полной опасностей и лжи, и этому ребёнку, пусть и облечённому силой бессмертного, нужен был тот, кто будет держать его за руку. Чанькунь Чжуоюй, в свою очередь, не возражал. Он позволил вести себя, как путник, доверяющий проводнику в тумане.

Когда они покинули город, Учёный Бай достал посох в виде двуглавой змеи, вырезанный из чёрного дерева, с четырьмя кроваво-красными глазами, мерцающими зловещим светом.

[В этом посохе запечатан духовный центр яо], — написал Ли Синлунь на ладони Чанькуня Чжуоюя.

(П.П. Яо — духи природы: животные, растения, горы, реки, даже камни или предметы, которые долгое время оставались нетронутыми и, накопив огромное количество духовной энергии, обрели самосознание. Такие существа могут сознательно выбирать путь культивации, несмотря на жестокое противодействие Порядка Небес. Две ключевые стадии развития яо — формирование духовного центра (дарующего долголетие, магические способности, связанные с природой существа, и влияние на окружающую среду) и преодоление физической формы (позволяющее превращаться в человеческий облик).)

Эти светящиеся глаза не были иллюзией, ремесленник вставил в них кровь змея-яо, используя её как средство для запечатывания его духовного центра внутри посоха. Оружие, управляемое владельцем, могло призвать истинную форму зверя в бою. Это было мощное и страшное оружие, созданное ценой чужой души.

Выросший в праведном клане, Ли Синлунь презирал такие практики. Он не понимал, как можно так нагло захватывать яо, убивать их и переплавлять их духовные центры в пилюли и артефакты. Хотя, признавал, что даже многие великие секты, как праведные, так и демонические, поступали так же, ведь культиваторы никогда по-настоящему не считали яо

равными себе.

В мире культивации, помимо священных гор и рек, занятых людьми, существовали две независимые территории: Долина Яо в Туманном Мху и Четыре Священные Горы культиваторов-духов. Долина Яо в Туманном Мху была защищена барьером, созданным древней богиней Ньювой. Любой яо, достигший стадии духовного центра, мог войти туда и найти убежище от алчных человеческих мастеров.

Что стало с тем, чей дух запечатан в этом посохе? Кто знает, какое злое предзнаменование привело его к тому, чтобы стать частью чужого оружия?

Учёный Бай не стал размахивать посохом, чтобы похвастаться, а использовал его как средство передвижения. Влив в него истинную энергию, он поднял его в воздух и, балансируя на одной ноге, быстро понёсся вперёд.

В то же мгновение под ногами Чанькуня Чжуоюя собрался белый туман, скрыв его ступни, и он поплыл вслед за ним, легко, как облачный призрак, не прилагая никаких усилий.

Увидев это, Учёный Бай остолбенел. В мире культивации даже мастера уровня Формирования Основы могли летать с помощью артефактов, а некоторые обладатели сильных сокровищ на уровне Золотого Ядра превосходили в скорости даже мастеров Зарождения Души. Но он никогда не видел, чтобы кто-либо вызывал облака и туманы с такой естественной грацией - это было выше Великого Вознесения; возможно, это уже порог настоящего Вознесения в небеса?

Даже среди тех, кто достиг Великого Вознесения, многие так и не прикасались к границе Вознесения до самого конца своей жизни. Достичь Великого Вознесения можно было благодаря усердию и удаче, но чтобы Вознестись требовалось истинное понимание Порядка Небес.

Все культиваторы стремились к Вознесению, но из десяти тысяч лишь один преуспевал.

Учёный Бай мгновенно стал серьёзным, все мысли о мести исчезли, как дым. Раньше он планировал доставить их к главе секты Сотни Цветов, а затем, воспользовавшись знаниями секты о странных ядах, отомстить за унижение. Но теперь он понял, что ненависть его была бессмысленной. Это он первым напал, он предлагал любовь как оружие, он унижался и молил о пощаде. И всё равно обвинял других в своём позоре. Поистине, у него был узкий кругозор.

Но, увидев истинную силу Чанькуня Чжуоюя, он смог лишь проглотить свою обиду. Против Великого Почитающегося он, быть может, ещё осмелился бы что-то замышлять. Но против того, кто стоит на пороге Вознесения? Это было бы самоубийством.

Подавив все эмоции, Учёный Бай послушно повёл их в одну из долин. Хотя уже была осень, цветы в этой части Мяоцзяна цвели с такой силой, будто сами сезоны подчинились их красоте.

Сойдя с посоха, Учёный Бай проглотил пилюлю и обернулся:

— Это цветочный туман Сотни Цветов. Каждый цветок сам по себе безвреден, но вместе их аромат образует ядовитый миазм - защитный массив Долины Сотни Цветов. Хотя такой старший, как вы, может и не почувствует его воздействия, молодому человеку рядом с вами всё же понадобится антидот.

Он протянул две пилюли.

Цветочный туман Сотни Цветов был печально известен. Даже мастер Перерождения Души, оказавшись в нём, мог потерять контроль, а если бы остался на год - его истинная энергия истощилась бы, и он вышел бы с уровнем Золотого Ядра, хотя его стадия не изменилась бы. Годы усилий рассеялись бы, как пепел на ветру.

Ли Синлунь нахмурился, принимая пилюли. Он не доверял Учёному Баю. Не только потому, что антидот дают после входа в опасную зону, что было уже подозрительно, но и потому, что сам не чувствовал никакого дискомфорта. Теоретически, на его уровне позднего этапа Формирования Основы, он должен был упасть сразу же.

Он коснулся рукой бамбукового колпака. Снаружи он выглядел как обычный, но внутри уже давно был наполнен белым созданным Чанькуня Чжуоюя туманом, для защиты его от всех взглядов и всех ядов. Миазм не мог проникнуть сквозь эту пелену.

Что до Чанькуня Чжуоюя, то кто знает, насколько глубока его истинная культивация. Он стоял среди цветов, холодный и недостижимый, будто сама природа затихла перед ним, а цветы поблёкли в сравнении с его красотой. Он не просто не страдал - он был выше этого мира.

Очевидно, антидот им пока не нужен. Ли Синлунь положил пилюли в карман и, под изумлённым взглядом Учёного Бая, взял Чанькуня Чжуоюя за руку и повёл глубже в море цветов, где каждый лепесток скрывал яд, а каждый аромат - обман.

<http://bllate.org/book/14629/1297986>